

Митрополит Волоколамский Иларион: из раскола мы получаем много сигналов о том, что люди чувствуют необходимость воссоединиться с Церковью

26 июля 2010 года председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы корреспондентов ряда украинских средств массовой информации.

– Ваше Высокопреосвященство, Киев наравне с Москвой и Санкт-Петербургом – синодальная столица Русской Церкви. В Киево-Печерской лавре состоялось заседание Священного Синода. Какие решения были приняты?

– Киев – это мать городов русских, и всякий раз, когда мы приезжаем сюда, мы испытываем особые чувства и особый трепет, потому что соприкасаемся с колыбелью, откуда вышло все наше русское православное христианство. Сегодня, когда совершался молебен в святой Софии, мы особенно остро чувствовали связь с теми временами, когда наши предки создавали здесь, на киевских холмах, Православную Церковь. Конечно, очень важно, что Священный Синод уже второй раз собирается в Киеве. Здесь мы принимаем, с одной стороны, решения по целому ряду текущих вопросов, но, с другой стороны, также и решения, относящиеся непосредственно к жизни Украины. В частности, одной из тем обсуждения на сегодняшнем Священном Синоде была тема раскола в украинском Православии.

– Какие шаги следует предпринять власти и общественности для преодоления раскола?

– Во-первых, мы приняли обращение к тем, кто находится вне церковного единства. Дело в том, что изнутри раскола – от мирян и тех людей, которые считаются там архиереями, мы получаем много сигналов о том, что они чувствуют необходимость воссоединиться с Церковью. Людей тяготит состояние, когда они лишены возможности участвовать в жизни Вселенского Православия, когда они отсечены от живительного ствола и тех живительных соков, которые питают Православную Церковь. Это осознание неканоничности в расколе является очень острым. Есть группы мирян, есть приходы и священнослужители, которые воссоединяются с Церковью. Этот процесс не носит пока массовый характер, но он постоянно происходит во многих епархиях Украины.

Есть и те люди, которые все еще находятся в расколе, но уже осознали его пагубность и желают воссоединиться с Церковью. Прежде всего, к этим людям, а также к тем, кто просто случайно, по недомыслию или другим соображениям оказался в расколе, мы хотим обратиться через наше слово, чтобы призвать их вернуться в лоно Матери Церкви.

Ведь надо признать, что раскол – это политический проект, который возник на волне дезинтеграции, национализма вскоре после распада великого государства. С одной стороны, тогдашняя власть Украины была заинтересована в том, чтобы придать большую легитимность новообразованному украинскому государству посредством образования собственной независимой Церкви. С другой стороны, бывший митрополит Киевский Филарет был заинтересован в том, чтобы не потерять свою власть. Этот взаимный интерес, к сожалению, породил раскол, который рос, как на дрожжах, исключительно благодаря поддержке властей.

Сам лозунг о том, что в независимом государстве должна быть независимая Церковь, является абсолютно неканоничным и не соответствующим традиции Православия. Достаточно сказать, что почти все исторически сложившиеся Патриархаты являются многонациональными и их юрисдикция распространяется на несколько стран: Иерусалимский Патриархат – это три страны, Александрийский – вся Африка (около 50 государств) и так далее. Если следовать логике раскольников, мы должны были бы все эти великие Церкви поделить на множество маленьких слабых церквей. Ради чего это делать? Объяснение может быть только одно: чтобы максимально ослабить Православную Церковь.

То духовное пространство, которое мы называем Святой Русью, складывалось веками, и за это время много раз менялись государственные границы, но Церковь сохраняла свое единство. Нельзя в угоду политической конъюнктуре ломать то, что складывалось на протяжении веков, поэтому это единство мы должны сегодня очень бережно хранить.

Если вспоминать совсем еще недавние времена, когда жителям Украины внушали антирусские настроения, когда в России создавался негативный образ Украины, в том числе и в средствах массовой информации, то невольно спрашиваешь себя: для чего все это делалось, кому все это было нужно?

Мне пришлось много лет жить в Западной Европе. И вот, к примеру, Франция и Германия – соседние страны, у них разный язык, история, культура, но между ними нет границ, у них одна валюта и единое культурное пространство. А у России и Украины – единая вера, одна Церковь. Конечно, у нас разные языки, но ведь мы понимаем друг друга. Когда я бываю на Украине, то не испытываю никаких затруднений в понимании украинской речи. Значит, у нас много общего.

Зачем искусственно вбивать клин? Я думаю, что сегодня Церковь, которая сохранила свой уникальный консолидирующий потенциал, является главной силой, способной объединить людей и помочь им – несмотря на те государственные границы, которые уже сложились, которые мы уважаем и никоим образом не оспариваем, – не забывать о том духовном единстве, которое скрепляет народы России, Украины и Белоруссии.

– В обращении Священного Синода отмечается, что сейчас обстоятельства изменились к лучшему. То есть появились шансы создать единую Церковь?

– Всякий раскол в истории процветал тогда, когда его поддерживали гражданские власти. Как только гражданские власти переставали поддерживать раскол, он начинал сдуваться, как лопнувший воздушный шар. Это можно проследить на очень многих примерах. Так вот, раскол на Украине раздувался искусственно, а сейчас предпосылки для дальнейшего его раздувания прошли, как и мода на раскол, которая была в 90-е с тогдашними идеями сепаратизма, дезинтеграции. Сейчас люди понимают, что им, их детям и внукам предстоит жить в той же самой стране, и нужно ли постоянно жить в обстановке вражды и обвинений или лучше жить в обстановке мира и благожелательности?

Если сравнить пропаганду, которую ведут раскольники, и то, что говорит каноническая Церковь, то по самому духу, по тону заявлений видна разница. С одной стороны – озлобленность, ненависть, постоянно искусственно формулируемые все новые и новые обвинения, а с другой стороны – дух мира и любви, который мы сегодня постарались вложить в наше обращение к тем, кто отпал от единой Церкви.

Мы говорим о том, что возвращение в Церковь – это естественный процесс, в котором нет ничего унижающего, лишаящего людей того, чем они обладали. Сегодня некоторые из тех, кто пребывает в расколе и именуется там священниками и епископами, спрашивают: а что с нами будет, если мы перейдем в каноническую Церковь, сохраним ли мы свои священные награды и сан? Мы говорим в этом обращении о том, что Церковь сама рассудит о правильном способе принятия тех, кто от нее отпал, но у нее есть власть и сила наполнить благодатным содержанием даже то, что совершалось в расколе. Это относится, скажем, к Таинству крещения. Мы не можем признавать крещение, совершаемое раскольниками, но если люди возвращаются из раскола, то каноническая Церковь способна придать должное содержание и благодатную силу даже тем таинствам, которые совершались вне ее. Эта практика существовала на протяжении многих веков.

– Правда ли, что митрополит «Киевского патриархата» ныне покойный Андрей Горак перед смертью собирался совершить покаяние и вернуться в лоно канонической Православной Церкви?

– Я могу говорить об этом со всей ответственностью, потому что я знал его лично и неоднократно с ним общался. Мы дважды встречались и много раз говорили по телефону. У него было совершенно твердое, многолетнее желание воссоединиться с Церковью. Когда мы с ним встречались, он говорил буквально следующее: «Я каждый день себя проклинаяю за то, что ушел в раскол». Он видел в этом свою слабость, понимал, что в расколе нет благодатной жизни. Когда мы час проговорили, он сказал: «Спасибо за то, что Вы со мной встретились, я почувствовал себя в атмосфере Церкви. У нас этой атмосферы нет». Меня очень поразило, что он негативно воспринимал руководство организации, к которой принадлежал. Он сознавал, что нет благодати в этом сообществе.

Он сознавал собственную слабость, хотел перейти в каноническую Церковь и готовился к переходу, подготавливал необходимые документы. И буквально за несколько дней до этого события он неожиданно и скоростижно скончался. Он не был здоровым человеком. Он болел, перенес операции, но смерть эта произвела странное и тяжелое впечатление, потому что все знали, что он и многие священники вместе с ним хотели перейти в каноническую Церковь, и вдруг он уходит в иную жизнь...

– Давайте подведем итоги визита Святейшего Патриарха Кирилла в регионы. Впервые за всю историю Патриарх посетил Днепропетровскую и Одесскую епархию. Каковы итоги этого визита и личные впечатления Его Святейшества?

– Святейший Патриарх приехал на Украину не как иностранный гость, а как Патриарх Украинской Православной Церкви. Он приехал к своей пастве, к своему народу, который его ждет. Мы видели это повсюду и в прошлом году, и в течение этого визита: видели десятки тысяч людей, собравшихся для того, чтобы помолиться вместе со своим Патриархом, их энтузиазм, любовь, стремление сохранить единство Церкви.

Внутри канонической Церкви нет никаких раскольничьих настроений, это нужно понимать. И вновь и вновь мы убеждаемся в этом при общении архиереев, при общении Патриарха со своей паствой. Это единая Церковь, и мы будем сохранять это единство, укреплять его всеми силами. Святейший Патриарх, для которого равно дорога его паства в России, Украине, Белоруссии, других странах, входящих в каноническое пространство Русской Православной Церкви, будет и далее приезжать в эти страны, посещая своих пасомых. Мне бы хотелось, чтобы такие визиты перестали быть экстраординарным событием, чтобы они были так же значимы, но более регулярны. Люди должны привыкнуть к своему Патриарху, должны видеть его не только по телевидению, но иметь возможность общаться вживую. Думаю, именно в этом основная задача, которую Патриарх перед собой ставит, посещая епархии Украины и других стран.

– Ваше Высокопреосвященство, некоторые интернет-СМИ пишут о том, что визит Патриарха носит не пастырский, а политический характер. Почему происходит такое непонимание?

– Это сознательная дезинформация. Патриарха люди видят вживую, это очень привлекательный образ. Люди слушают его проповеди, слушают, что он говорит, обращаясь к интеллигенции, к ученым, к простому народу. Для недругов Православной Церкви, в том числе для тех, кто когда-то затеял раскол, кто поддерживают эту раскольничью идеологию, Патриарх сейчас – как бельмо на глазу. Им хочется этот абсолютно положительный образ исказить и то представление о Патриархе, которое естественным образом возникает, когда вы на него смотрите и его слушаете, каким-нибудь образом изменить в сознании людей. И поэтому придумывают штампы: приехал заморский гость, он хочет лишиться Украины суверенитета. Никто не посягает на него, суверенитет Украины – это свершившийся факт, это, как Патриарх говорит, воля Божия. Но есть политический суверенитет, а есть взаимоотношения между народами, есть духовное единство. И вопрос заключается вот в чем: две соседние страны, у которых столько общего в истории, культуре, у которых единая вера и единая Церковь, должны жить в состоянии вражды или они могут жить вместе, хотя бы так, как живут различные государства в Европейском Союзе?

– Идея Русского мира, которую проповедует Патриарх, здесь, в Украине, вызывает острые дискуссии. К примеру, руководитель «УПЦ КП» Филарет заявил, что Патриарх Кирилл хочет восстановить Российскую империю.

– Идея Русского мира – духовная, а не политическая, она не имеет никакого отношения к суверенитету тех стран, которые входят в Русский мир.

Русский мир – это то, что мы называем Святой Русью. Этот концепт совершенно не чужд даже раскольникам – так, глава раскольников Филарет Денисенко в своем титуле незаконно, конечно, имеет именование «всея Руси». Что это за вся Русь, которую он вставил в свой титул? Понятие Святой Руси существует, для нас оно не какой-то исторический фантом. Это духовное пространство, которое существует поверх политических границ, и сегодня только Церковь в полной мере осознает значимость этого духовного пространства.

Мы должны понимать, что когда были проведены политические границы между Украиной и Россией, то во многих случаях эти границы прошли через человеческие семьи и человеческие судьбы: муж – русский, жена – украинка, родители на Украине, дети в России и так далее. Что может помочь этим людям сохранить единство? Прежде всего, Церковь, прежде всего, сознание того, что если они живут в разных государствах, то это не трагедия. А трагедией было бы, если бы

эти государственные границы разъединяли семьи, уродовали человеческие судьбы.

– Представители «Киевского патриархата», сторонники автокефалии часто говорят, что даже если их не признают сейчас, то это все равно произойдет в будущем по аналогии с тем, что и Константинопольский Патриархат сто лет не признавал автокефалию Русской Церкви. Что Вы на это скажете?

– Это обман. Константинополь сразу же признал автокефалию Русской Церкви, она была согласованной, а не самопровозглашенной, так же, как и Патриаршество на Руси.

Автокефалия каноническая не бывает самопровозглашенной, она каноническим путем получается от Матери Церкви. Кроме того, когда говорят: «Ну, вот сейчас не признают – потом признают», – это обман, потому что на этой самой территории, в этой самой стране существует каноническая Православная Церковь, которая обладает правами самостоятельности. У нее есть свой Синод, она самостоятельно избирает своих епископов. Сегодня связь между Украинской Православной Церковью и Москвой – духовного порядка. Эта связь не носит ни административный, ни финансовый характер. Когда говорят, что Москва заинтересована в том, чтобы удержать Украинскую Церковь, потому что получает большие отчисления, это неправда. Нет этих отчислений. Это все миф, фантом, выдумка и ложь. А есть то духовное единство, которое верующие хотят сохранять. Те, кто были в Одессе, те, кто были в Днепропетровске, те, кто были в Почаеве в прошлом году, могли в этом убедиться. Были маленькие группы под политическими флагами, выступавшие против единства Церкви, и были десятки тысяч людей, которые собирались вокруг своего Патриарха, которые скандировали: «Наш Патриарх Кирилл!», которые никогда не предадут единства Русской Православной Церкви.

– В конце 90-х годов вышла Ваша книга «Православное богословие на рубеже эпох», в которой Вы критиковали наши духовные школы. Что изменилось в системе духовного образования за эти годы? Что еще нужно изменить?

– Кое-то изменилось, но многое осталось, потому что та реформа духовных школ, которая продолжалась лет пятнадцать, не шла прямым путем: мы делали один шаг вперед, два шага назад, потом делали два шага вперед, шаг назад. В результате получалось какое-то движение, но без качественных сдвигов. Сегодня уже сформулирована и должна быть принята новая концепция духовного образования, которая ориентирована на современные стандарты, в том числе и на те, которые существуют в западных странах и которые описаны в так называемой Болонской системе. У нас очень активную работу в этом направлении проводит заместитель председателя Учебного комитета архимандрит Кирилл (Говорун), который сам учился на Западе – и в Греции, и в Англии – и хорошо знает, как там функционирует современная образовательная система. Там основной

акцент делает на самостоятельную работу студента. То есть задача преподавателя заключается в том, чтобы научить студента самостоятельно работать с научным материалом, с источниками, самостоятельно мыслить. И на это направлена та реформа духовного образования, которая уже задумана и которая будет осуществляться в ближайшее время.

– Какие еще внешние факторы (политические, общественные) могут способствовать примирению и возвращению людей из раскола?

- Я думаю, что какое-либо политическое давление здесь было бы неуместно. Мы помним времена, когда политики жонглировали церковными понятиями, когда на политической почве пытались столкнуть людей, у которых могли быть разные политические симпатии, но все принадлежали к Православной Церкви. Вряд ли возвращение из раскола будет быстрым, но важно, чтобы этот процесс набирал силу. Он уже идет, и важно, чтобы люди, которые еще находятся в расколе, но уже осознали его пагубность, нашли в себе смелость переступить порог, отделяющий их от канонической Церкви, и принести покаяние. Это может быть психологически трудно, кого-то, может быть, запугивают, а кого-то, возможно, устрашают такие случаи, как смерть Андрея Горака. Но невозможно все время жить в страхе. Если созрело внутреннее желание воссоединиться, надо воссоединяться, не надо ждать. Мы в своем обращении напомнили о том, что «се время благоприятное, сей день спасения», то есть сейчас хорошее время для того, чтобы воссоединиться с Церковью. Сейчас власть не будет преследовать за возвращение в Церковь – это само по себе создает добрые предпосылки для постепенного изживания раскола в украинском православии.

– В обращении Синода о таинствах у раскольников сказано очень дипломатично: «Церковь способна наполнить новым смыслом все, что произошло с человеком в расколе». Что это значит, нужно ли крестить человека, который был крещен в «Киевском патриархате», но захотел перейти в Церковь?

– Мы не признаем никакие таинства раскольников. Не может быть речи о признании крещения, хиротонии или каких-либо иных таинств. Если речь пойдет о массовом возвращении в Церковь – приходов, епархий, тысяч, десятков тысяч людей, то конечно, здесь станет вопрос: что делать со всеми теми, кто был крещен в расколе? как их принимать? Ведь кто-нибудь, может быть, даже не знает, был ли он крещен в канонической Церкви или в расколе. Вот он был младенцем, его отнесли в храм и окрестили; а куда отнесли, кто его крестил – он этого не знает, а родители его не помнят. В этом случае, когда человек возвращается в Церковь, как мы и сказали в своем обращении, «Церковь сама усмотрит способы принятия». Это может быть крещение, это может быть и признание совершившегося факта крещения. Ведь были, например, случаи, когда во время войны не было священника и крестили обычные бабушки, и потом священник дополнял совершенное

таинство, а не совершал его заново. Одним словом, у Церкви есть много способов возвращения тех, кто хочет вернуться в ее лоно. Вопрос о признании таинств может ставиться только в контексте возвращения. Если люди не возвращаются, этот вопрос не ставится вообще.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/56895/>